

УДК 821.161.1.09(470ю44-25)|19|+929 Словохотов

Л. А. СЛОВОХОТОВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ САРАТОВА 1920-Х ГОДОВ

Е. Г. Елина, А. В. Хрусталёва

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: elinaeg@info.sgu.ru, tevlin1982@mail.ru

В статье приводятся новые и малоизвестные факты биографии Л. А. Словохотова, его участия в литературной жизни Саратова.

Ключевые слова: Л. А. Словохотов, литературная жизнь Саратова 1920-х гг., Саратовский государственный университет.

L. A. Slovokhotov in the Literary Life of Saratov of the 1920s

E. G. Elina, A. V. Khrustalyeva

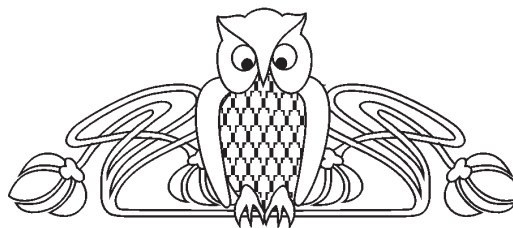
The article introduces new and relatively unknown facts of L. A. Slovokhotov's biography, of his participation in Saratov literary life.

Key words: L. A. Slovokhotov, literary life in Saratov in the 1920s, Saratov State University.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-3-290-293

В последнее время наблюдается всплеск исследовательского интереса к полузабытым, вырезанным, а кое-где и затушеванным чернилами намертво страницам советской литературной полемики 1920-х гг. Необходимость привлечения региональных документов для адекватного изучения этой темы представляется авторам аксиоматичной. Вплоть до Постановления о перестройке литературно-художественных организаций 1932 г. сохраняется определенная многомерность литературной ситуации. Принимая во внимание только столичные свидетельства, «показания» тех очевидцев, которые жили в Москве и Санкт-Петербурге, мы переоцениваем центростремительную силу в развитии культуры рассматриваемого периода и понижаем значение центробежной. Исследования в области провинциальной литературной ситуации первой трети XX в. пусть и не решают окончательно проблемы части и целого, но все-таки вносят значимые штрихи в портрет эпохи.

Если обратиться к Поволжью, то во многих регионах будут найдены следы интересной и самобытной культурной жизни. Так, в Саратове к середине 1920-х гг. насчитывалось более тридцати литературных изданий. Здесь была создана одной из первых в России организация Пролеткульта, позднее – Саратовская писательская организация. Причем деятельность Пролеткульта была очень активной. Местный общественный деятель и литератор Н. М. Архангельский в своем дневнике сообщает: «Между Пролеткультом и Отделом народного образования идет борьба. Вчера она

вылилась в безобразный скандал. В 3 часа дня в Народном Дворце назначена была от народного образования публичная лекция Арановича... Сцена оказалась занята деятелями Пролеткульта...»¹

В 1924 г. была создана Саратовская Ассоциация Пролетарских писателей. Характерной особенностью Саратова как провинции является то, что саратовская ячейка РАПП часто действует совместно с Пролеткультом. В Саратове Пролеткульт и САРРАПП проводят совместные заседания и формулируют общие задачи, причем такая провинциальная расстановка «фигур» идет абсолютно вразрез московским указаниям.

Местная «самодеятельность» отчетливо видна на страницах газет рассматриваемого периода: «Все силы пролетарской литературы должны быть сплочены, объединены, чтобы выдержать натиск буржуазно-мещанской сменовеховской литературы. Оргбюро ЛИТО Пролеткульта и правление группы «Октябрь», считая, что обе эти организации стоят на одной платформе и должны работать совместно, созывают на сегодня (5 августа) в 8 часов вечера в помещении Пролеткульта (угол Большой Казачьей и Вольской) объединенное собрание членов Лито и «Октябрь»» (Саратовские известия. 1924. 5 авг. С. 6). Саратовский Пролеткульт сохранял свою власть даже тогда, когда в центре его полномочия уже давно были урезаны.

Рассмотрение печатных выступлений литературных деятелей 1920-х гг. на страницах саратовских печатных изданий привело исследователей к выводам, что саратовская литературная ситуация не только не копировала ситуации в центре, но даже гротескно ее переиначивала, без должного различения параметров литературных величин². Приведем несколько примеров того, как Саратов не прислушивался к московским «трендам». В августе 1926 г. в Саратов прибыли с визитом известные поэты А. Жаров и И. Молчанов. Позиция Л. Авербаха по поводу этих поэтов сводилась к оскорблениям, из которых приведем лишь отрывок: «Молчанов – поэт чрезвычайно маленький... Его поэтическая деятельность – отражение света, излучаемого Безыменским, Жаровым, Уткиным»³.

«Саратовские известия» на своих страницах горячо приветствуют Молчанова и Жарова, более того, в газете сообщается, что местный критик Г. Лелевич произнес одобрительное вступительное слово об уничтожаемом Авербахом поэте

А. Безыменском перед аудиторией в 400 человек⁴. При этом дается безапелляционный заголовок: «Передовой трубач поэзии, первым откликающийся на новые моменты жизни». Критик надеется своего соратника по политико-литературной борьбе гипертрофированными эпитетами: ставит выше Маяковского, убеждает, что на самом деле Безыменский приближает мировую победу пролетариата: «А читатель всегда находил и всегда найдет у Безыменского не только звучный стих и красивые обороты, но и ответы на жгучие, волнующие вопросы современности... Что же помогает Безыменскому не потерять своего крепкого большевистского оптимизма <...> это – умение ощущать каждое свое будничное дело, как часть социалистического строительства, увязать каждый шаг этого строительства с мировой победой социализма:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти <...>⁵

Отметим, что Лелевич – критик не регионального масштаба, разумеется. И именно его появление в Саратове в политической ссылке способствовало тому, что местная литературная жизнь получила интересный «фрондирующий» окрас. Саратовские представители низового звена РАПП постоянно подвергались жесткой критике за пренебрежение к резолюциям организации и халатность по отношению к личным указаниям руководителя. В 1929 г. в центральной печати Л. Авербах, который, кстати, родом сам из Саратова, зло, саркастически критикует саратовскую ячейку РАПП как провинциальных обывателей: «Что нам до мировой революции? – мы расейские; что нам до Расеи? – мы саратовские, что нам до Саратова! – мы балашовские... А там наша хата с краю»⁶. Эти критические замечания продиктованы не только личной враждой членов РАПП – Авербаха и Лелевича. Выпад против Балашова объясняется тем, что в августе 1927 г. обязанности главного редактора газеты «Саратовские известия» берет на себя уроженец этого областного города М. Гельфанд, сменивший на посту Н. Панкова.

Хотелось бы остановиться на одной малоизвестной даже для местного краеведения фигуре. В россыпи «жемчужин» саратовской словесности, за которыми ныряют на архивное дно многие отважные краеведы, странным образом отсутствует интересное имя – историка, литератора, общественного деятеля революционного и послереволюционного Саратова – Леонида Александровича Словохотова. Этот человек не был протагонистом эпохи, но внёс некоторый, пусть и небольшой, вклад в сохранение наследия классической литературы.

В литературном творчестве Словохотова ярко проявилось типичное для послереволюционной

эпохи соединение самобытного литературного дарования и увлечения автора революционными лозунгами, богатство культурологической эрудиции и примитивизм в восприятии разнородных культурно-исторических пластов.

Л. А. Словохотов уже становился объектом исследования в трудах саратовцев⁷. В настоящей статье расширены сведения о биографии литературного деятеля, приведены архивные материалы.

1920-е гг. для русской классики были интересным и опасным временем, когда со многих трибун раздавалось «долгой!» и очень остро встал вопрос: учит ли чему-то пролетариат классическая литература? Уроки литературы в школе имели целью ковать дух и характер новой смены борцов за счастье человечества, а потому каждое слово, сказанное учителем, должно было соответствовать высоким научным стандартам. В 1925 г. на основе рекомендаций научно-педагогической секции Государственного ученого совета (ГУС) при участии Н. К. Крупской были подготовлены так называемые «комплексные» программы, в которых литература вообще переставала быть самостоятельным предметом. Литературные произведения предлагалось рассматривать только как иллюстрацию к обществоведческим темам «Капитализм и рабочий класс», «Деревня», «Город» и т. п. Вместо русской классики в программу преподавания внесли А. Барбюса, Э. Золя, А. Франса. Так нужен ли пролетариату, занятому строительством нового мира, Пушкин? Если да, то в каком объёме? Ответы на эти вопросы не были очевидными, и только стараниями отдельных ярких фигур, выступавших в защиту русской классики, пушкинские «Маленькие трагедии» не остались навечно под обломками «старого мира», подобно утраченным пьесам Эсхила. Среди «малых адвокатов» дореволюционной литературы можно назвать и Л. А. Словохотова.

Он родился 10 (23) марта 1881 г. в семье протоиерея Оренбургской епархии Александра Петровича Словохотова. В семье было ещё двое детей – старшая сестра Зинаида и младший брат Николай. Последний, как и старший брат, был юристом и также увлекался литературой (публиковался под псевдонимом Никола Растяшный).

Леонид Александрович – выпускник Демидовского лицея (Ярославль, 1906 г.), кандидат юридических наук. Его дипломная работа отмечена денежной премией академика Е. И. Якушкина.

В Оренбурге Л. А. Словохотов делает успешную карьеру. За десять лет (с 1906 по 1916) по служебной лестнице он поднимается до должности товарища прокурора Оренбургского окружного суда. В 1915 г. произведен в надворные советники (чин VII класса). Пожалован личным дворянством, активно участвует в церковной жизни, публикует работы по истории Оренбуржья.

Словохотов приезжает в Саратов с женой Лидией Капитоновной в девичестве Белявской (дочь священника) и дочерью Серафимой (1902 г. р.).

Они регистрируются по адресу: Армянская улица, дом 20, квартира 1 (дом не сохранился).

Февральскую революцию Л. А. Словохотов не только принял, но и активно в ней участвовал. Был кандидатом в Городскую думу Саратова от кадетской партии.

20 декабря 1917 г. Л. А. Словохотов был уволен из прокуратуры и в течение пяти месяцев оставался без работы.

9 апреля 1918 г. он принимает участие в литературно-общественном суде над Раскольниковым, главным действующим лицом романа Достоевского «Преступление и наказание», в качестве прокурора. «Судоговорение» прошло в здании Саратовской консерватории. Свою речь Словохотов затем опубликовал в небольшой брошюре под названием «Прав ли Раскольников Ф. М. Достоевского?»

С 18 мая 1918 по 15 февраля 1919 г. Л. А. Словохотов – ассистент по кафедре истории русского права на юридическом факультете Саратовского университета. Он планировал карьеру преподавателя, но юридический факультет в Саратове упраздняют.

Леонид Александрович предпринимает неудачную попытку открыть новую кафедру «риторики», или «теории ораторского искусства». Интересен тот пыл, с которым педагог убеждает начальство в нужности новой кафедры: «Оратор – самая сильная и влиятельная личность в обществе. Язык оратора – ... стихия, способная “из камня исторгать слёзы” и творить чудеса миллиардами искр вечного духа...». Любопытно и то, что в 1919 г. Словохотов в лучших традициях саратовской вузовской интеллигенции еще пытается остаться вне ангажированности: «Как симфония Бетховена, наука о красноречии аполитична. Как нет “правой ботаники и левой химии”, так нет и партийной теории искусства речи»⁸. Развить «внепартийную» теорию риторики ему не дали.

С 1 апреля 1919 г. Словохотов – юрисконсульт Правления Рязано-Уральской железной дороги. Конечно, ни о каком сотрудничестве с новой властью бывшего помощника царского прокурора и активного участника антибольшевистской партии речи идти не могло. Но Словохотов занимает в новой жизни на удивление удачное место. С 1919 г. он состоит в профсоюзе железнодорожников. Профсоюзы, как известно, были второй по влиянию силой после партии в нарождающемся СССР. Юрисконсульт железной дороги Словохотов оставался до декабря 1928 г. Членом профсоюза железнодорожников, что было предусмотрительно с его стороны, он был до конца 1940-х гг.

В наиболее значимом из всех саратовских трудов «О классиках русской литературы» Словохотов стремится показать наличие в дореволюционной художественной словесности «ценных материалов по рабочему вопросу», всемерно приближая к пролетариату творчество Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского. Каждому

классику автор отводит определенную роль в «обработке» читательского сознания: «...Гоголь лучше всех вскрыл самоуправство и самодержавие дворян. Некрасов каждым стихотворением дал обвинение нерушимой стене крепостничества. Достоевский принял на себя защиту униженных и оскорблённых»⁹.

Словохотов не стремится разорвать преемственные связи в литературе, ниспровергнуть кумиров. Он лоялен и даже консервативен по сравнению, скажем, с напостовскими радикалами в отношении к классическому наследию. Он пытается выяснить роль русской классики, ее место и масштаб в культуре воспитания «граждан рабоче-крестьянских республик». Основные положения книги запечатлены в таких формулах: «Революция ни в чем не оплевала дореволюционную литературу», классика представляет собой «караван мыслей и флотилию чувств»¹⁰. По мнению автора, классика нужна в качестве семян для оплодотворения новой литературы.

В 1920-е гг. начался активный процесс революционного перекрашивания русской классической литературы. Право классика на существование в обновленной стране обеспечивалось возможностью отыскать в его творчестве некоторую революционную доминанту. Вполне серьезно Словохотов подчеркивает, что «русская дореволюционная литература хранит в своих недрах и нечто ценное по... рабочему вопросу». В доказательство он приводит такие факты: «Разве Пушкинская “История села Горюхина”, где поэтом рассказано, как от оброков барщины обнищала, приуныла, запустела, по миру пошла вотчина Белкиных, ясно и наглядно не трактует о баснословных временах грозного и беспощадного владычества над трудовым народом помещиков и их приказчиков?»¹¹

И всё-таки, в отличие от многих своих современников, большое внимание Словохотов уделяет эстетическому богатству классической русской литературы. Литератор восхищается красотой стиха Пушкина и тут же применяет к поэзии критерий полезности.

Тем не менее, отчетливое своеобразие Словохотова в подходе к классической литературе привело к тому, что его книга была разгромлена современной ему критикой. «Словохотов – “стихийное бедствие”, борьба с которым невозможна без организации и кланового посоха, да потяжелее» – пишет Л. Соловьев в журнале «На литературном посту»¹². Нужно понимать, что вот эта защита Пушкина, Гоголя и Достоевского выполнялась на том уровне и при тех технических возможностях, которые решительно не имели никакого эффекта для столицы. Более того, книга была встречена критикой в центральной печати. Но для Саратова Словохотов был авторитетом. Это следует из того, что на его публичные лекции приходили слушатели, имя его регулярно появлялось в печатных изданиях.

В какой-то степени будет верным сказать, что увлечение художественным словом и риторикой навредило саратовскому литератору. Во-первых, его книгу, которую мы выше цитировали, обсуждали с ним сотрудники НКВД. Тут вполне работает принцип «Solascriptura» – нет текста, не о чем и говорить с НКВД. Во-вторых, вступительная речь Словохотова к кинокартине «Киров», содержащая тезис об исключительной одарённости Кирова как оратора, стала причиной второго и последнего ареста нашего героя. «Рыдали гудки. И клялись соратники Кирова не слагать оружия до тех пор, пока во всем мире не победит то дело, которым жил, за которое боролся и убит Киров», – с пафосом выступал Словохотов перед аудиторией кинотеатра города Энгельса (Саратовская область). Надо полагать, что в вину ему вменили недостаточное освещение достоинств сталинского красноречия.

По размаху критических отзывов можно сказать, что Л. А. Словохотов был заметной персоной в литературной жизни 1920-х гг. Но ни в одном справочном издании краеведческого профиля это имя даже не упомянуто. В Саратовском областном архиве нам удалось разыскать два документа, имеющих отношение к преподавательской деятельности Л. А. Словохотова. Во-первых, особое мнение инициативной группы профессоров Саратовского университета, согласно которому литератор не был включен в число преподавателей. Список профессоров и преподавателей юридического факультета 1918–1919 уч. года завершается следующей записью: «Особое мнение. Инициативная группа профессоров Саратовского университета настоящим сообщает свое мнение о приглашении в состав преподавателей Факультета общественных наук Л. А. Словохотова <...> Вполне разделяя ту точку зрения, что выбор преподавателей университета должен зависеть исключительно от учебных и педагогических заслуг кандидатов, а не от каких-либо формальных условий, и что из Университетов должен исчезнуть всякий кастовый дух, инициативная группа профессоров полагает вместе с тем, что основанием для избрания в профессора или преподаватели университета могут служить лишь объективные данные – ученые труды и педагогический опыт кандидатов. Сколько-нибудь достаточных данных такого рода Инициативная группа ... не находит...»¹³

Из этого документа становится ясно, что Л. А. Словохотов хотел заняться преподавательской деятельностью на факультете общественных наук Саратовского университета и выставил свою кандидатуру. Причиной отказа послужило, по видимому, политическое несоответствие, так как приводимые инициативной группой доводы не соответствуют действительности.

Во-вторых, существует докладная записка Словохотова об открытии кафедры риторики, которая уже упоминалась. Она характеризует Словохотова как человека страстного, темпераментного, просветителя и пропагандиста по натуре.

рамента, просветителя и пропагандиста по натуре.

В 12-м номере журнала «Новый Художественный Саратов» за 1923 г. приводится описание одного из литературных судов: «Театр Ленина переполнен. На сцене суд над о. Сергием, героем одноименной повести Толстого... Суд инсценирован артистом Л., который ведет и основную роль о. Сергия с экспрессией. Защита Л. А. Словохотов аргументирует “Гамлета”...» (с. 57). Словохотов участвовал в этом литературном процессе в качестве защитника, проявив при этом не только замечательные моральные качества, но и способности литературного критика, умеющего увидеть литературный характер в историко-культурном контексте.

Талантливый литератор, Словохотов жил в смутное послереволюционное время, когда всё «перевернуто вверх дном». Ошибаясь, прорываясь сквозь собственные заблуждения, преодолевая идеологические преграды, поставленные эпохой 1920-х гг., он был яркой и своеобразной личностью, фактически одиночкой, который, несмотря на непонимание современников, продолжал активно и плодотворно работать во всех сферах, где востребовано слово.

Примечания

- ¹ *Архангельский Н.* (1918) Дневник // Саратовский областной музей краеведения Ф.15774/16. С. 20.
- ² Подобные выводы обозначены в коллективной монографии «Губернская власть и словесность : литература и журналистика Саратова 1920-х годов» / под ред. Е. Г. Елиной, Л. Е. Герасимовой, Е. Г. Трубецковой. Саратов, 2003.
- ³ *Авербах Л.* О современной поэзии // Комсомольская правда. 1927. 2 окт.
- ⁴ См.: *Лелевич, Г.* Пролетарские писатели // Саратовские Известия. 1927. 29 июня.
- ⁵ *Лелевич Г.* Пролетарские писатели // Саратовские Известия. 1927. 16 янв.
- ⁶ *Авербах Л.* О целостных масштабах и частных Макарах // Октябрь. 1929. № 11. С. 164.
- ⁷ См.: *Елина Е.* Литературная критика и общественное сознание в Советской России 1920-х годов. Саратов, 1994. С. 111–113; *Ее же.* Л. А. Словохотов как литературный деятель Саратова // Елина Е. От девятьсот двадцатых к двухтысячным : Литература, журналистика, литературная критика. Саратов, 2013. С. 123–136.
- ⁸ ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1.
- ⁹ *Словохотов Л.* О классиках русской литературы. Саратов, 1927. С. 108.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 126, 123.
- ¹² *Соловьев Л.* Бредни Словохотова // На литературном посту. 1930. № 15–16. С. 158.
- ¹³ ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1–2.